

— Ничего удивительнаго нѣтъ, что ты только простой народъ слушать любишь. Мы тебѣ, что земля чужая,—все новое. А вашъ братъ, барствомъ да науками душу то себѣ грѣлъ-грѣлъ, да и прожегъ насквозь,—зола осталась...

* * *

— Что хорошаго ты видишь здѣсь?... Оно правда, что замужняя, да чего на войну-то пошла?... Развѣ не жаль тебѣ глазъ да ушей?...

* * *

Склони сердце свое къ горечи,
Нечего сердцу горы мѣрять,
Нечего сердцу солнцу вѣрять.
Полеми, долами иди, кровью-потомъ гляди...
По хотѣнію Вильгельмову,
По велѣнію Антихристову
Понапущено войны кругомъ земли...
На корню хлѣба война повыѣла,
На корню людей война повыбила...
Да споконъ вѣковъ, такой не было,
Грома тяжче война, острѣй молоньи
Гнѣва Божьяго, война не милостивѣе...
Черезъ тяжкій грѣхъ французъ мается:
Черезъ свѣтъ ходилъ, людъ честной губилъ.
Англичанинъ—воды мутилъ,
Всѣ моря смутилъ, себя попустилъ...
А нашъ то мужикъ—землю оралъ;
Землю оралъ—Богу маливался;
Своимъ потомъ землю сдабривалъ,
На томъ поту хлѣба спрашивалъ:
Уродись ты хлѣбъ, сыты по весну
Прокормлю семью, всю я родину...
А чужого русскому не надобно,
За чужой за грѣхъ война зашлась,
А мужикъ горбомъ отдувается...

I.

Нѣмецкій царь до насъ рать свою спосылать задумалъ. Собралъ стараго да малаго, глупаго да бывалаго, хилаго да здраваго, робкаго да браваго:—„Идите люди нѣмецкіе на Русь великую, воюйте люди нѣмецкіе вы землю русскую, испейте люди нѣмецкіе вы кровь горячую, умойтесь люди нѣмецкіе—слезами бабьими, кормитесь люди нѣмецкіе—хлѣбами трудными, одѣньтесь люди нѣмецкіе—мѣхами теплыми, согрѣйтесь люди нѣмецкіе—лѣсами темными“.

— Я ему руки держу, и грудью навалился, и ногами ноги его загребъ. И такъ мнѣ несподручно, такъ времени мало, дышать неколи, и одна дума,— жаль до смерти, что рукъ то у меня двѣ только. По старому слажены, а на нѣмца той старины не хватитъ...

— А то еще въ 13-омъ, на Фоминой, пришелъ къ намъ дѣдъ изъ Питера. По многимъ мѣстамъ ходилъ хожалымъ, бывалый мужикъ. Тотъ за вѣрное принесъ что затѣвають наши министры войну съ нѣмцемъ, и что нужно де, ту войну провоеваться,—что-бы понялъ народъ, какой онъ ни до чего не годный, и никакихъ себѣ глупостей не просилъ-бы... Такъ оно и вышло. При всей при Европѣ, на голой на ...

— Ахъ, какъ выскочилъ я, направо Алешка, направо Петренко. Кричимъ, бѣжимъ, упали.. Зарываюсь, такъ быстренько стараюсь, стараюсь, а кругомъ пуля

визжитъ... Вскочили, бѣжимъ, Алешка бѣжитъ, а Петренки нѣту... Думаю, какъ его убили, такъ и меня убьютъ, какъ его убили, такъ и меня убьютъ... И чего это такая думка пришла, не знаю, а все думаю одно это... Добѣжалъ, и сильно работалъ штыкомъ, лицъ просто не видѣлъ... Невредимъ вернулся... Глотка до того охрипла, три дни хрипѣлъ, съ крику сорвалъ. Въ глазахъ туманъ бѣлый, только скрозь него все и видѣлось то-же дня три... А Петренку убили...

— Подсолнухъ передъ войной все отъ солнца вочался. Не глядитъ на солнце, да и все... Не одно такое чудо войну предвѣщало. У насъ псина здоровая ушла, пропадомъ пропала, а какъ пришла—щенятъ принесла. Всѣ кутята, какъ кутята, а одинъ—чисто заяцъ. Весь какъ есть...

— Что поднялось!—ровно судъ страшный... Нельзя не покориться, а и покориться,—душа не терпитъ... Нѣту разсудку ни краюшка... Теперь помнится, а то, громъ тяжкій, снаряды ревмя ревутъ, рвутся у насъ, раненые вопять... И цѣлые-то волчьимъ воємъ воютъ, отъ смертнаго страху... Нѣту того страха страшнѣе... Куда идти?... Не идешь, въ кучу сбились... Молоденькіе крикомъ вопять, по звѣрьи... Взялъ онъ револьверъ да ко мнѣ: „вылѣзай“... Я назадъ напиралъ, земляковъ куча... Я карабкаться, а онъ въ меня выстрѣлилъ чего-то... Не попалъ, только всѣ шарахнулись и въ атаку полѣзли:

— А нашъ ротный, какъ забегъ, за кустъ сѣлъ... а такъ браво кричить—„за мной, братцы!“ А куда за имъ, коли у него отъ команды... И что это, видно Господь-то не за войну. Вотъ вѣдь и храберъ, и радъ-бы, а какъ въ атаку идти, такъ въ кусты ...

— Сорвался я съ пригорбка, сажени двѣ пролетѣлъ, и мѣшкомъ о земь. Свѣту не взвидѣлъ, кость во мнѣ крошилась, и наружу полѣзла. Рветъ мясо живое, ровно я на зубы попалъ. И кровь то не льется а таково тихо проступаетъ, огнемъ да мукою путь свой торить...

— Смотрю изба, оттуда шумъ. Земляки австрійцевъ палить пристроились, а тѣ, злыдни нечистые, бабу горемычную, да ребятокъ ейныхъ двое въ окно кажутъ. Не стерпѣло сердце, подскочилъ бабу съ младенчикомъ въ окно выдралъ, за другимъ сталъ рукою шарить, а они мнѣ за шкуру и залили, разрывную. Ужъ безъ меня сожгли то ихъ, обезпамятѣлъ. Жалко до смерти...

— Эхъ, дочего плохо было. Какъ первая повозка дошла, слѣзъ Семенъ Иванычъ, бабѣ говоритъ: „собирайся, дѣтей собирай и вещи что понужияе, выселяютъ васъ“.. Баба о земь, голосить, сапоги цѣлуешь. Народъ собрался, услышали, по селу, словно громъ плачь такой. Сразу всѣ говорятъ и плачутъ всѣ. Кто головой бьется, кто волосы рветъ, а старуха одна телку вывела, за шею обняла, голосомъ воетъ, и собаки съ ей тоже душу рвутъ... Ну, стали потомъ силомъ сажать,—не уговорить. Такъ босые всѣ, а дождь да грязь, и холодно.. До чего плохо было, самое трудное..

* — Легли мы, ровно на пружинахъ. Слава Господу лежа то было. А какъ встали, затянуло въ трясины двоихъ. Самъ слышалъ, какъ Иванова кобылка на той трясинѣ губилась. Стонетъ, ровно мычитъ тихонько, и слышать было, какъ кости съ натуги хрустѣли, не вызволились...

— Обмокъ, стяжелѣлъ, паромъ прошелъ, ровно туча сталъ. А какъ ночь пришла, морозецъ махонькій прихватилъ, ногъ я и лишился. Нѣту подо мною ногъ.

гудуть, а служить не служить. Разулся, глянулъ, а они ровно радуга. Обмерзли, калѣка я теперь...

— Просить? чего ужъ! Толку нѣтъ просить, не пойметъ, знаю... Бить—жалко до смерти, терпѣть—силы не стало. Вотъ и ушелъ на войну. Да кабы сразу, а то, въ городъ вышелъ,—она за мной на другой день. Плачетъ, въ ногахъ лежитъ, клятвенно зарекается.. Ну я вѣры не даю, мучался сколько. Все перетерпѣлъ... Здѣсь легче...

— А слышимъ, стонуть, просятъ чего-то, Грязовцкіе, спрашиваютъ. Мы говорить-то не можемъ, не велено, и ничего понять не можемъ. А лѣсъ кругомъ, не видно.. Тутъ мѣсяцъ повикатился, анъ это калѣки-раненные, кругомъ ползуть и пособить просятъ.. На коня не возьмешь...

— Съ носилками, смотрю, нашъ Александръ Ивановичъ. Вотъ это такой человѣкъ былъ, что мы на него, какъ на Бога надѣялись. Это онъ, чтобы меня разыскать, пришелъ. Ногу мою какъ подвязывали, онъ ее за пятку держалъ. А потомъ кричитъ: „Мойша, ты здѣсь“?..—„Здѣсь“ отвѣчаетъ..—„Вотъ“ говоритъ, „видишь, за тобой нарочно пришелъ, что-бы ты не подумалъ, что тебя бросили. Ты не горюй очень-то“.. Это ему что русскій, что жидъ, все едино. Жида жалѣть и насъ училъ.. И такого-то офицера просто мы-же и продали.. Не осилили отбить.. А звалъ какъ насъ... Я то ужъ второй разъ раненый, ни одной ноги тогда цѣлой не было, а ползкомъ не поспѣлъ.. Увели ужъ его..

— Что это война, на радость-ли намъ... Вѣрно что одно сказать справедливо, намъ на дому хуже жилось...

Бсть нечего, и одна работа тяжелая.. Самое худое, не о себѣ одномъ забота, семейный я...

— Господи, вотъ я теперь до чего чувствую, какъ военное свое дѣло справляю.. Наведешь, дума такая, вотъ-бы побольше надѣлать для русскихъ хорошаго.. Десятки-бы перебилъ..

— А на войну шаферомъ взяли. До машины съизмальства былъ доходчивъ, а въ Бельгіи, до автомобилей, во какъ наострился.. Какъ подвезъ своего до нѣмца, а съ боку кавалеры въ каскахъ, да на нихъ, да рубить.. А Григорій, ей Богу не вру, который раненый, втащилъ рукою за воротъ, да подъ ноги себѣ шваркъ, да топтать, да топтать, пока не подохъ.. А подохъ, ужъ какъ къ себѣ вернулся со своимъ-то.. Я его сустрѣвши, спрашиваю, какъ рассказалъ, „чтожъ ты демократъ, а с... с.. выходишь, а не демократъ.. Развѣ-жъ тебѣ то въ Бельгіи говорили, что нѣмецъ не человѣкъ, что ты его хуже крысы замучилъ?“. Такъ драться полѣзъ со стыда...

— А тутъ сразу насъ подъ ихніе пулеметы уго-раздило. Совсѣмъ не похоже, какъ я-то боялся.. Страху нѣтъ, отчаянности столько, просто до грѣха.. Какъ вышелъ, такъ-бы скрозъ землю провалился.. И туды голову и сюды голову, хоть въ ... засунь голову, а не уйти.. Какъ лежишь до атаки-то, такъ все думаешь, какъ-бы убѣгти.. А вышелъ, орать до того нужно, кишки сорвешь... Ну ужъ тутъ пусть нѣмецъ не подвертывается.. Семь смертей ему надѣлаю, а взята не позволю.. Вотъ тебѣ и убѣгъ.. Все другое..

— Прилегъ, припалъ вечеръ темный, на ту пору и дума стала другая, не радостная. Что одинъ на бѣломъ свѣтѣ, и хоть здоровъ-великъ, а безъ заступника, ровно камень придорожный, кто идетъ—ногой толкнетъ.

А заря утренняя, солнечный восходъ,—ина дума. Живи только, радуйся человекъ, что души не лишень. Самому житю радуйся. Пущай война, аль не война,—за плечьми ангелъ хранитель душу бережетъ. А ты тѣлу радуйся, да жизнь всякую возлюби..

— Я хоть и обязанъ былъ по долгу службы ждать, однако не смогъ я. Свечерѣло, быстро въ тѣхъ мѣстахъ темень проходить... Не боялся я до дѣхъ поръ, а тутъ чего это Василий въ голову лѣзетъ. Лицо его все у меня въ глазахъ, особенно какъ зажмурюсь.. Просто силъ моихъ не стало. Ружье-то тяжелое, а знаю, онъ за кустомъ лежитъ. И ужъ не встать-же мертвому, а все я будто его на рукъ чувствую.. Надумаю такое, что ни вправо, ни влево не гляжу, боюсь... Вотъ тебѣ и на посту... Не знаю, долго-ли я такъ протомился, будто жизнь моя прошла.. А тутъ ясно слышу, изъ васильева куста ползетъ.. Господи, я какъ гаркну, „кто такой“?.. А тотъ на меня какъ кинется сзади—ну нѣту тѣхъ словъ, какого я страху нажилъ.. Мнѣ все равно, подтопталъ меня, мнѣ ужъ больше бояться некуда, не хватить.. И голосу не стало.. А тутъ мигомъ наши подошли, и нѣмца съ меня сняли..

— „Стой, говорю, ни ты царю воинъ, ни я не докладчикъ. Не та у меня душа. Только жить тебѣ въ этомъ мѣстѣ не для ча, такого смердящаго, военная пуля святая не возьметъ. А убить—убью. „Плюнулъ на зарядъ, да и убилъ шпіена поганой той пулей.

— Я такъ его жалѣлъ, лежу въ казармѣ, а думка къ нему летить. Что съ нимъ, да какъ живетъ-растетъ... А письма наши, извѣстное дѣло, чего не надобно никому, то и написано... Одно слово, „до земли поклонъ низкій“... Правильно, что до сырой до земли... Читалъ я читалъ, да и дочитался только на третьи сутки, 20